

Охота на ведьм. Запах стали

Аврора Мюллер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аврора Мюллер

Охота на ведьм. Запах стали

«Автор»

2026

Мюллер А.

Охота на ведьм. Запах стали / А. Мюллер — «Автор», 2026

На том костре, где горела его мать, сгорело его милосердие. Пепел выжженного прошлого застилает взор Сильвера. Единственный смысл его существования — месть Альянсу и защита той хрупкой утопии, что он соткал для тех, кого любит. Он готов стать ядом, клинком и тенью. Пролить столько крови, сколько потребуют Мойры. Но что, если месть на вкус — лишь пепел, устилающий небосвод?

© Мюллер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Аврора Мюллер

Охота на ведьм. Запах стали

Пролог

Мягкие лучи солнца касались жемчужно-бледной кожи мальчика, даря ощущение тепла. Он лежал на шелковистой траве с закрытыми глазами, пока маленькие муравьишки щекотали ладони, а рядом жужжали шмели. Пахло цветами. Ветер, как озорное дитя, игрался с пушистыми одуванчиками, трепещущими от его касаний. Океан ярко-зелёной молодой травы разливался по всему лугу. Птичья трель эхом гуляла над землёй, звеня в стволах ближнего леса. Совсем рядом журчал ручеёк. Мальчик помнил, что возле воды растут волшебные травы. Сами по себе они не были зачарованы, но их целебная сила казалась чистой магией врачевания. Мама говорила ему, что они снимают отёки, боли, расслабляют и успокаивают. Он часто бегал к лесу в поисках этих растений. Росинки — так называли в народе эту траву — любили лесную воду, в особенности ту, что текла с высоких гор. Стоило мальчику задуматься о голубой, похожей на лепесток розы травке, как её влажная свежесть пощекотала нос. «Нужно собрать, как учила мама!» — ей очень нужны были эти травы, особенно в беспокойные времена. На безмятежных губах расцвела улыбка, бабочки щекотали его нос, щёки, веки и губы. Они порхали, садились, кружили. Он слышал тихий шелест их маленьких витражных крылышек, представляя, как они танцуют и смеются, словно девушки вокруг яркого костра. Душистый аромат трав и память о звонком смехе вернули его ко времени, когда проворные красавицы манили, приглашая присоединиться к ним. Они были его старше, часто подшучивали над его внешностью, но всегда были очень добры.

«Амелия... Она была похожа на луговую ромашку, от её каштановых волос всегда пахло теплом и сладостью булочек, а в косах её цвели полевые цветы», — с лёгкой скорбью мелькнула мысль. — «Мне жаль, моя милая Амелия...» Он помнил, как округлое лицо девочки осунулось, а глаза её окунулись в холод могильной бездны. Одна бабочка — ярко-красная, с чёрными вкраплениями у спинки и на кончиках крылышек — села на нос мальчика, что предавался сладким, с привкусом горечи, воспоминаниям. Это заставило незащитное лицо поморщиться и громко чихнуть. Живые витражи перепугались и разлетелись по разным цветкам. Мальчик приоткрыл один глаз, улыбка ненадолго коснулась его губ снова, стараясь перебить лёгкую грусть. Ласковый голос позвал его: «Силли, пойдём со мной». Он был таким тёплым, трепетным и знакомым... Поддаваясь зову, мальчик открыл глаза: небо было алым, его обжигали языки пламени, превращая в пепел, что осыпался хлопьями на волосы и одежду дитя... Скрежещающие крики воронов — предвестников смерти — выцарапывали душу. Глаза, как два треснувших алмаза, распахнулись: пепел неба, обжигающий до костей, устилал некогда прекрасный луг. Здесь больше не было звуков ручейка, бабочек, запаха росинок — лишь выжженная земля, мор и страх. «Где мама?..» Обугленный лес щетинился мрачным частоколом; чёрные, мёртвые ели пиками пронзали кровавое небо. Вонь горящей плоти заставила сердце съёжиться. Мальчик испуганно осмотрел свои ладони. Желудок сжался, сердце онемело. Бледная кожа была цела. Стальной привкус запёкшейся крови плясал на языке, вызывая приступы тошноты. Впереди задрезжал женский крик. Устремив взор вдаль, он увидел толпу и женщину, связанную к деревянному столбу. Огонь съедал её тело; лик кривился в муках так сильно, что в нём уже невозможно было узнать знакомые черты. Другие люди будто не замечали, что вместе с ней над ними сгорало и небо. Они ликовали. Надорванный голос матери эхом прокатился по сожжённому лугу, заставив ребёнка зажмуриться и плотно закрыть уши... «Нет, прошу...» Мир

рушился. Как бы он ни пытался спрятаться, он видел, как безжалостный, лишённый человечности зверь цепляется за её кожу, как проглядывает белизна костей, тут же чернея и рассыпаясь прахом. Этот запах — запах распада, эти крики — крики растерзанной плоти. Кошмар вьелся в самую подкорку, забил глотку гарью и пророс в сердце. Во мгле ночи звенели голоса:

— Ведьма! Сжечь её!

— Я всегда знала, что с ней не всё чисто! А где её сукин сын?! — Женщина с некогда добрым лицом выискивала глазами дитя. Он узнал её... Это была мать Амелии.

— Наконец чума отступит! Мойры нас услышали! — набожный человек блаженно улыбался. Деревенские дети заливались хохотом и водили хороводы вокруг огня. От этого безумия ребёнок закричал:

— Хватит! Прекратите! Его сорванный голос не был услышан. Толпа продолжала праздновать: «Мойры подарят нам процветание за нашу стойкость!» Симфония триумфа над пепельным лугом. Почему они смеются? В смерти нет ничего хорошего, так его учили... Она умерла под свист и хохот зевак. Её последний крик взвился в небо, как визг свиньи под ножом мясника — так об этом будут судачить люди, смакуя детали казни. Но казни за что?.. Внутри жгло отчаяние, медленно сменяющееся гневом. Его небо исчезло. В звуках празднования затерялся тихий плач мальчика с выжженным на сердце шрамом.

— Мама...

Мир рассыпался, распадался на плоть, кровь и уголь. В голове звенела растущая пустота, латающая дыры, поглощающая взамен его самого... Звонкая пощёчина и боль вернули его в реальность, заставив с хрипом выдохнуть и жадно глотать воздух. Сильвер снова проснулся в холодном поту. Теперь над ним было не пустующее небо, а простой деревянный потолок, чему он был безусловно рад. Запах горячей плоти всё ещё заставлял желудок сжиматься, а на языке горчил привкус раны, исцелить которую он был не в силах.

— Ты задыхался. С тобой все хорошо? Рыжая девушка придвинулась к нему. Голос её — заботливый, мягкий, любимый. Положив руку на плечо мужчины, она успокаивающе погладила его. Кошмар отступил; от её касания в вены вернулась жизнь.

— Даже твои настойки не могут подарить мне мирный сон... — постепенно выравнивая дыхание, он смахнул остатки слёз с длинных чёрных ресниц. Он перевернулся на бок, чтобы взглянуть в глаза девушки. — Я рад, что у меня есть ты. Без тебя я бы точно не очнулся от этого кошмара... Хотя можно было ударить и помягче. Он мягко взял её за подбородок. На лице Сильвера расцвела улыбка, он примкнул к губам обнажённой ведьмы, а рука его скользнула по её упругой груди. Лилис оторопела и шутливо оттолкнула его:

— Силли! Перестань! — девушка засмеялась, убирая его руки. — Ты и так прошлой ночью несколько раз наполнил меня! Пора и меру знать! Звонкая, как колокольчик, она улыбнулась, прогоняя его ночной ужас, и вскочила с кровати. Её юное тело сияло в лучах утреннего солнца. Сильвер, прикусив губу, наслаждался её силуэтом, обглаживая взглядом даже тогда, когда она накинула халат. Лилис обернулась:

— Разве тебе уже не пора к маман. Смотри, солнце уже высоко. Она игриво шлёпнула себя по бедру, дразня мужчину, и юрко скрылась в дверях ванной, пока Сильвер недовольно фыркал.

— Ведьма! — ухмыльнулся он. Мужчина вновь лёг на спину, запустив пальцы в чёрные, цвета вороньего крыла, волосы. Чертовка. Хороша! Он благодарил Мойр за то, что они связали его с Лилис. Она — его личная утопия, даже если он находится под её чарами. Впрочем, в этом он ни капли не сомневался, любовь зла.

Хоть горечь кошмара ещё оставалась на кончике языка, сейчас его это уже не волновало. Прежде чем приступить к началу дня, он оглядел свои руки: всегда бледные, как бумага. Его трясло. Он потянулся к тумбочке, взял отвар из росинки и пригубил его. Г адковато-сладкий вкус. Сильвер приподнялся; из ванной доносился шум воды. Он тряхнул головой: времени про-

шло немало, он и вправду опаздывал на встречу с маман. Спешно натянув рубаху и штаны, он запрыгнул в обувь и покинул комнату Лилис, благоухающую цветами и уютным беспорядком. Спустившись по лестнице из белого дерева, он оказался на первом этаже усадьбы. Ведьмин дом был четко разделен: наверху — жилая зона и исполинская библиотека, гордость хозяйки; внизу — огромная оранжерея, переходящая в сад. Здесь, среди стеклянных стен и ароматов снадобий, его ждала Шиксай. Мужчина быстро шёл по аккуратным тропинкам, мимо пестрых парадов флоры. По краям мелькали страстно-алые розы и яркие орхидеи — почерк Лилис, любившей всё кричащее и броское. Им противостояли пастельные, сдержанные маргаритки и хризантемы Шиксай. Лишь в нескольких местах оранжерею прорезали черные пятна с белой сердцевинкой — цветы смерти, высаженные самим Сильвером. Тропинка вела к белой беседке, утопающей в густых зарослях ванили. Этот сладкий, обволакивающий аромат был для Сильвера самым воплощением Лилис — её смеха, её кожи, её присутствия в жизни. Запах заставил уголки его губ растянуться в глупую влюблённую улыбку, на мгновение перебив горечь утреннего отвара. Но стоило ему взглянуть на фигуру в беседке, как реальность взяла своё. Шиксай сидела вполоборота. На ней было обтягивающее платье цвета запекшейся крови с дерзким вырезом от бедра. Глубокий винный оттенок волос подчёркивал теплоту кожи, но взгляд оставался ледяным. Сильверу всегда казалось забавным это противоречие: Шиксай обожала броские, вызывающие наряды, но в интерьере была фанатиком холодной сдержанности. Лилис же, напротив, куталась в пастельные ткани, но сад превращала в буйство самых безумных красок. На столе в беседке уже дымился чай. Ведьма молча наблюдала за его приближением, и в этом безмолвии Сильвер кожей чувствовал каждую секунду своего опоздания. С каждым шагом дрожь в руках становилась всё ощутимее, но он не позволял себе согнуться под этим тяжелым взором. Сильвер поднялся по ступеням беседки и сел напротив прекрасной женщины, которая ничуть не постарела за прошедшие тринадцать лет. Её золотые глаза сверкнули хладным недовольством. Тонкие пальцы потеряли гранатовый браслет цвета венозной крови на левой руке.

— Вы узнали, где они поставят лагерь? — задал вопрос Сильвер, параллельно прикасаясь к дорогому фарфоровому сервизу на столе.

— Ты опоздал, — она сделала небольшую паузу, — опять. Шиксай наблюдала, как Сильвер наливает чай себе и ей. Запах персика и ванили защекотал нос.

— Не хватает ромашки... — задумчиво промычал он, поглядывая на свои трясущиеся руки.

— В последнее время мне приелся её запах и вкус, нужно выдержать паузу, — спокойно зазвучала речь, наполненная журчанием ручейка, совсем как у её дочери. Женщина пригубила край чаши, пробуя на вкус свою заготовку. Насладившись, она произнесла:

— В этот раз в лагере будет один из командиров. — Её голос стал тише, а золотые глаза внимательно вглядывались в бриллиантовый лёд его взгляда.

— Это хорошо, — твёрдо, с морозом в голосе произнёс мужчина. — Скажи где и когда. Я сделаю это быстро. Его стеклянные глаза смотрели сухо, в них бушевала самая долгая зима... За кровь платят кровью.

— Не торопись. Этот командир необычен... — ведьма довольно прикрыла веки, затенённые густыми тёмными ресницами.

— Важная шишка? Непростой противник? Кто он? — Сильвер сложил руки на груди, раздражённо расспрашивая женщину. Каждый раз, когда он вспоминал ту отвратительную ночь, он представлял, как Мойры его руками обрезают чужие жизни. Мерзкий запах гари полоснул желудок. — Не томи! — он свирепо рыкнул, обнажив острые клыки, сменяя детский страх взрослой чудовищностью.

— Этот командир... Он тот, кто поднёс факел к костру, спалившему твою мать... И мою сестру... Шиксай говорила негромко, чуть опустив голову в знак памяти об убитой. Лицо Силь-

вера померкло. Долгая зима во взгляде сменилась вечной мерзлотой. На мгновение повисла мертвая тишина.

— Где? И когда? — прохрипел он, лишившись всех эмоций.

— Золотой луг. Завтра ночью, в час луны, — ведьма вновь пригубила чай, изящно взяв сладкое песочное печенье с блюда.

— На тебе лица нет! — капризно проворчала Лилис, укладывая срезанные магические травы в плетёную корзину. Сильвер вынырнул из вязких мыслей. Разговор с Шиксай всё ещё гудел в голове набатом. Он перевёл взгляд на девушку: белое платье с рукавами-фонариками и кожаный корсет делали её образ почти невесомым. «Белое и алое...» — невольно сравнил он её с матерью, чьё платье сегодня напоминало свежую рану.

— Это ведь хорошо, что ещё один из них умрёт. К тому же — убийца твоей мамы! Ты должен радоваться, Силли, ведь жить ему осталось недолго! — Она говорила быстро, ловко отбирая нужные стебли. В её голосе не было жестокости, лишь практичное желание избавить любимого от тени прошлого.

— Я знаю, Лили... — Сильвер мягко улыбнулся и поднялся со скамьи, чтобы помочь ей. Девушка замерла, глядя, как он осторожно срезает чёрный пышный цветок с белыми тычинками. Она поставила корзинку на траву и бесшумно, точно кошка, подкралась к нему со спины, смыкая руки в объятиях.

— Возможно, после его смерти ты наконец сможешь спать спокойно... Её слова согревали, а тепло тела просачивалось сквозь плотную ткань его плаща. Сильвер замер, разглядывая чёрный бутон в своих пальцах. Цветок Страшного Суда. Растение, которое он высаживал здесь из года в год, зная: его сок подарит врагам его долгую и мучительную смерть.

— В смерти нет ничего хорошего, Лилис. Но спасибо, что ты рядом, — он накрыл её маленькую ладонь своей, чувствуя её живое пульсирующее тепло. — Вы с маман для меня — самое ценное. Я сделаю всё, чтобы этот мир стал для вас безопасным.

«В смерти нет ничего хорошего...» — слова матери эхом отозвались в сознании. Горькая ложь, ставшая его сутью. Он уже давно перестал быть тем мальчиком, для которого всякая жизнь была священна. Лилис улыбнулась и теснее прижалась к нему.

— Я знаю, что однажды для нас наступит беззаботное время, — шепнула девушка. Она верила в это так искренне, что эта вера казалась почти осязаемой силой. Ветерок играл с подолом её платья и полами его чёрного плаща, а в воздухе мешались ароматы нежной ванили и его крепкого, терпкого табака.

Самый тихий час наступает перед рассветом. Тем не менее для кого-то рассвет не наступит уже никогда. Сильвер крепко держался за дно повозки, подтянув чёрный плащ, чтобы тот не свисал, и, скрыв лицо тёмной вуалью, выжидал. Всё его тело находилось в напряжении, он ощущал глухую и пульсирующую боль в каждой мышце. Колёса скрипели, всё ближе подъезжая к лагерю.

— Стой! Ты кто, блять, такой? — высокий стражник преградил путь повозке.

— Выпивка, вода и продовольствие! Я свой, парни! — кучер показал страже знак Альянса. Один из воинов обошёл телегу и заглянул внутрь. Он осмотрел ящики и ближайшие бочки, оценивая жратву, и легонько присвистнул.

— А чё так поздно приехал? Тебя ждали до того, как стемнеет. Он оглядел корзину, полную аппетитных чёрных лобстеров-переростков, выловленных в Рыбном месте.

— По дороге лошадь захворала, пришлось выкупить другую кобылку у деревенских, — кучер немного поёрзал, чувствуя стыд и лёгкий страх.

— И чё нам с тобой делать? — легкомысленно взглянув на багаж и взяв самого большого из доступных лобстеров себе и другу, стражник вернулся на исходную позицию с ехидной улыбкой.

— Про... пропустить?.. — встревоженно выдавил кучер, смущённый расхищением припасов. Молодой курносый мальчишка ёрзал от ночной прохлады и стресса. Сильвер, вцепившись мёртвой хваткой за дно, медленно извлёк зубами из рукава листочек с нарисованной печатью силы; ему казалось, что под повозкой прошли годы.

— Не положено, время слишком позднее, — бесстрастно ответил бородатый стражник, что всё это время стоял у ворот не шелохнувшись.

— Я прошу вас! Это поставки от самого графа Эверли! Если они не доедут — быть беде!

— не скрывая страха, взмолился возница.

«Похоже, от этого зависит его жизнь... Мне же лучше», — подумал Сильвер. Стражники переглянулись. Пропустить повозку означало пренебречь правилами безопасности, выданными экзархом. Но если не впустить — придётся иметь дело с графом. Пойти на свидание с Эверли было шагом отчаянного смертника, а лобстеры и свежее пойло — как раз то, что нужно после долгого поста.

— Тогда хули ты встал? Пиздуй давай. Только поставь в путевом листе время прибытия на два часа раньше. И на складе тоже скажи, что начальник стражи так скомандовал. Если будут вопросы — увиливай.

— А разве вы начальник стражи?.. — сомневаясь, спросил молодой кучер.

— Тебе давно между ног не пихали?! — грозно рыкнул высокий стражник.

— Я понял! Понял! Разрешив вопрос «задним числом», повозка тронулась и заехала в лагерь. Сильвер выдохнул. Граф Эверли был грозной шишкой. Маман говорила, что он один из самых опасных противников этого острова, и его слава сыграла мужчине на руку. Терпя боль в мышцах, Сильвер ждал «слепой зоны». Когда повозка скрылась от глаз стражи, он, с трудом раскрывая скрюченные пальцы, приложил листочек к сердцевине ближайшего колеса. Кончики перчаток побелели от раскалённой маны — он вливал силу в знаки, оживляя мёртвую бумагу. Наблюдая, как символы на заготовке наполняются холодным голубым сиянием, он отцепился от дна и перекатился по земле, спрятавшись за снопами сена. Сотни игл жгли его тело. В ушах звенел стук подков, а дорожная пыль осела в груди. Он отчаянно выдохнул и с трудом, чуть не падая, перебрался в более безопасное место — в глубь конюшни. Бабах! Активированная печать разнесла дерево в щепки. Телега резко затормозила.

— Ах! Что это было?! Да что сегодня за день такой! — вскрикнул белокурый кучер.

«Видимо, совсем не твой», — мысленно поглумился виновник хаоса, отдаляясь. Чувствуя запах навоза, он тряпичной куклой сполз на сено. «Никогда в жизни более я не полезу под телегу». Он ждал, пока боль отступит, с хрустом разминая пальцы и кисти рук. Дрожь не проходила. Его это злило. Услышав свист, он прижался к тёмному углу всем телом. Нужно было двигаться дальше, пока стража отвлечена на повозку. Послышались неспешные шаги, на деревянных стенах отразился свет свечи, кони заржали. Собрав все свои силы, он переждал, пока солдат пройдёт мимо, и нырнул туда, откуда пришёл незнакомец. Возможность перевести дыхание была благом, но времени было немного. Возле него пробежали стражники, спешащие на помощь повозке, — они что-то друг другу кричали и торопили. Скрываясь в объятиях ночи, он двигался быстро и бесшумно, мелькая, как тень. Мимо уснувших зевак, оставленных в попытках костров с жареной курой и пьяных смеющихся людей. Добравшись до шатра с провиантом, он вслушался в тишь внутри и ворчание стражи на входе. Он успел. Его дрожащий кинжал рассёк грубую ткань с тыльной стороны, позволяя мужчине войти в шатёр. Доставив мешочек с пояса, Сильвер медленно и кропотливо начал добавлять содержимое в каждую бочку с водой и спиртом. Времени было в обрез, скоро смотрители склада вернутся с новым продовольствием, они не должны обнаружить его или его следы.

Сильвер юрко покинул склад. Стянув разрезанную ткань, он затаил дыхание и наложил печать иллюзии. Иглы всё ещё кусали его пальцы, отчего те продолжали предательски дрожать, но он сохранял хладнокровие. «Хладный как сталь, проворнее лисы». Первая цель выполнена,

впереди — месть. Припав к мраку, он проследил за двумя воинами- юношами, ворчливо прошедшими рядом. Он вспомнил наставление Шиксай:

«Командир пуглив, его шатёр будет на окраине, имитируя жилище новобранца». Знала ли Шиксай, что в лагере в основном будут только новобранцы? Воины были не старше его самого, а некоторые даже младше. Сильвер крадся во тьме. Ночь пестрила ароматами: от запаха жареного мяса до вони дешёвой махорки, смешанной с крепким спиртным. Язык немел от такого обилия запахов, впрочем, это было лучше, чем глотать дорожную пыль. Но в один момент в носу защемило: знакомый аромат обожжённой плоти ворвался в сознание. Сильвера затошнило. Он остановился, глядя на ничем не примечательный шатёр перед собой.

«Он — там». Взгляд скользнул к колодцу рядом. В подсознании прошелестел вопрос: «За что их ждёт страшная казнь?». Юрко приблизившись к источнику воды, он вытряхнул туда остатки цветка смерти, обрубая жизнь скоту и посевам вблизи и решительно отмахиваясь от внутреннего ребёнка. «Я подумаю об этом, когда моё пепельное небо станет голубым». Обернувшись, мужчина застыл. Перед ним стояла девочка лет пяти, прижимая к себе пушистого игрушечного волчонка. По позвонкам пробежал холод. Она смотрела на него медовыми невинными глазами; из-под капюшона тёплого мягкого плаща вились каштановые кудри. Девочка с веснушками на носу спросила:

— Что ты тут делаешь? Ты тоже очень сильно хочешь пить? От этого звонкого трепета Сильвер вздрогнул. «Как я её не заметил ранее?... И вообще, откуда в военном лагере дитя?!... Ребёнок цели... Какой идиот возьмёт с собой дитя?!» — выругался он про себя. Сильвер оглянулся: подозрительно, ни одного патрульного поблизости. Рядом с колодцем стояло не тронутое им ведро, наполненное водой, и пустая деревянная кружка. «Нельзя поддаваться эмоциям. Я хладнее стали, я проворнее лисы». Дрожащей рукой он зачерпнул кружкой жидкость и протянул полную ёмкость девочке. Потрепав её по волосам, мужчина мягко спросил:

— Твоя мама рядом? В его голосе невольно прорезалось тепло. Девочка, не подозревая ни о чём, указала пальчиком на тот самый шатёр.

— Мама вон там! Она с папой опять ругается! — голос малышки был звонким и по-детски беззаботным. Отпив воды и напоив игрушку, она вернула кружку мужчине.

— А как тебя зовут? Я Элия! Почему твоя одежда такая... другая? — щебетала она, дёргая маленькой ручкой подол его чёрного плаща. Любопытная, крепко прижимавшая к себе игрушечного волка, девочка звенела, засыпая его вопросами: — А почему ты дрожишь? Тебе холодно? Сильвер вернул посуду на место и опустился на одно колено перед Элией:

— Меня зовут мистер Никто! — он взял её за руку и одарил доброй улыбкой, скрытой под тенью вуали и плаща.

— Какое необычное имя! Откуда ты? Что ты здесь делаешь? — большие медовые глаза стали ещё больше от любознательности. — Я никогда тебя здесь не видела раньше! Ты очень похож на мистера Волчика!

— Правда? — удивился Сильвер. — Ты просто плохо смотришь! Я совсем на него не похож! Хотя он и спорил, в глубине души ему всегда нравились волки, так что сравнение ему даже польстило.

— Нет! Я смотрела очень хорошо! И никогда не видела таких красивых глаз — как два бриллианта! У людей ведь таких не бывает! Только у мистера Волчика и его семьи! Вот, видишь! — Девочка протянула пушистую игрушку к лицу Сильвера. Глаза игрушечного зверя и вправду сверкали, как бриллианты, хотя на деле были лишь обычными блестяшками с искусными переливами.

— Ха... Ха-ха, — тихо рассмеялся мужчина. Вуаль не могла скрыть его сверкающих от магии глаз. Девочка слишком хорошо его запомнит... Это могло вызвать проблемы. — А ты хочешь узнать, какая у мистера Волчика любимая игра? Элия насторожилась, но через мгновение активно закивала:

— Я знаю, что нравится мистеру Волчику! Он любит считать маленьких овечек перед сном! — ей не стоялось на месте, и она принялась интенсивно раскачиваться с пятки на носок, взбудораженная открытой тайной.

— Какая ты непоседа! — Сильвер выпрямился и демонстративно выпятил грудь. — И как хорошо ты знаешь своего пушистого друга! Я, его папа-волк, счастлив! Глаза девочки заблестели:

— Ура! У него тоже есть родители! А где мама мистера Волчика? А ты покажешь свои ушки и хвост? Твой хвостик точно должен быть пребольшим! — она лепетала и прыгала, дёргая Сильвера за рукав. Невинное дитя верило каждому его слову.

«Какая чудесная девочка...» — с тяжёлой печалью подумал мужчина. Он вновь оглянулся. Рядом никого не было. Волосы на его коже встали дыбом. Задержав дыхание,

он быстрым, почти нежным движением пережал сонную артерию девочки. Тельце обмякло мгновенно, Элия выронила игрушку. Сильвер подхватил мистера Волчика прежде, чем тот коснулся земли, и бережно взял ребёнка на руки. От неё пахло теплом и сладкими булочками...

— Папе мистера Волчика нужно укунить кое-кого за бочок, Элия. Спасибо за то, что рассказала мне о любимой игре моего сына, — он тепло погладил малышку по спинке. Оставалось лишь надеяться, что с ней всё будет хорошо после того, что он совершит. Сильвер уложил ребёнка в высокой траве неподалёку от шатров новобранцев, игрушку он вложил в её тёплые маленькие ручки.

«Пусть у тебя всё будет хорошо». Убедившись, что девочка скрыта высокой травой и её не заметят сразу, он двинулся к цели. Тишина лагеря пугала. Сильвер списал это на чрезмерную удачливость, хотя внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия. «Никто не бьёт тревогу, но патруля давно уже нет... Что-то здесь не так, нужно спешить». Треморными руками он медленно приподнял ткань главного входа и вошёл в шатёр. Неизвестная женщина и знакомый мужчина спорили:

— Зачем мы здесь?! Думаешь, «Алая Чума» не настигнет нас? — скрежетала она, едва сдерживая крик. В её голосе слышался подлинный ужас.

— Она не сунется сюда! — резко оборвал её крепкий высокий мужчина. — И не будь тупой бабой, я выжег почти весь их род! Завтра утром прибудет Розелли. Даже если тут и затаилась какая-то старая карга, она будет сидеть тише воды, ниже травы! — в его басистом голосе сквозило пьяное недовольство.

— А что, если нет? А что, если здесь есть ведьма? А что если ей плевать на Розелли? Что, если она пришла мстить? Если «Алая Чума» уже близко... Не дав ей договорить, мужчина рывком:

— Что ты, тупая курица, заладила одно и то же: «А что, если», «Алая Чума»! Закрой рот и слушай. Сгорела заживо твоя «Алая Шлюха». Если объявится другая, мы привяжем её к столбу, пустим по кругу всем лагерем и сожжём. Поняла? А будешь и дальше пиздеть под руку — я пушу тебя по кругу вместе с ней. Поняла, сука? Голос мужчины притих, он вплотную подошёл к женщине, угрожающе нависнув над ней. Комната пропахла перегаром, в глазах гигантской туши мяса сверкнула жажда. Пламя свечи дрожало, отбрасывая пляшущие тени супругов. Женщина в секунду что-то осознала. Она сделала рывок, но недостаточно быстро. Грубый, пропитой голос крикнул:

— Куда ты, шлюха, собралась?! За криком последовал удар — женщину прижали лицом к центральному деревянному столбу, отчего по ткани шатра прошла мелкая вибрация. Послышался треск рвущейся ткани. Она взвыла от боли:

— Нет! Умоляю! — крошечная на фоне мужа, она отчаянно дёргалась и вырывалась. Грубое животное без труда удерживало жертву, срывая с неё остатки одежды. Сильвер наблюдал, как зверь расстегнул ремень, обнажая свою натуру, и принялся за плотские утехы, грубо

насаживая женщину. Тень подходила всё ближе, сливаясь с мраком. Волчьи глаза блестели. Свеча задрожала, являя силуэт третьего. Его взгляд зацепился за брошенную одежду: «Дорогая ткань... Скорее всего, она из какого-то важного южного рода». Втягивая аромат похоти и едкого виски, вслушиваясь в симфонию криков, стонов и влажных звуков плоти, Сильвер дрожащей рукой извлёк кинжал из подсумка. Он зашёл насильнику за спину, наблюдая, как добыча удовлетворяет свою низменную потребность. Сердце сжалось.

«Это животное так же опорочило мою мать». Внутри всё кипело. Руки задрожали ещё сильнее. «Ты ответишь мне за всё!» — сдерживая рык и до боли сжимая челюсть, он занёс кинжал. Серебро в его пальцах ходило ходуном — тремор, который он так ненавидел, насмеялся над ним. Сталь вошла в плоть, но не с тем мягким сопротивлением, которого он ожидал. Раздался сухой хруст. Вместо того чтобы обмякнуть, мужчина дёрнулся и взвыл — кинжал ушёл в сторону, задев лопатку и лишь оцарапав позвоночник. Сильвер почувствовал, как горячая кровь прыснула на вуаль, а сердце готово было извернуться в пятках. Зверь начал разворачиваться. Взгляд Сильвера метнулся к обнажённой шее — один рывок, и серебро вскрыет артерию, обрывая эту поганую жизнь. Но палец не дрогнул.

«Слишком славная смерть для гнили». Крепко сжимая кинжал, Сильвер напрыгнул на грудку мяса, вцепляясь предплечьем в горло. Он хотел выключить сознание гиганта, придушить его, вкусить свою месть сполна! «Он убьёт меня!» — бился в истерике внутренний ребёнок, но Сильвер лишь сильнее сжимал локоть. Язык и всё его нутро онемело от натуги. Женщина заверещала и отскочила в сторону. Она голой выбежала из шатра, зовя на помощь. Зверь зарычал; он развернулся спиной к деревянному столбу и всем своим весом прижал Сильвера. Мир стал темнеть. С хрипом изо рта Сильвера вырвался воздух. Он слышал хруст внутри своей груди и почти не чувствовал собственного тела. Темнота поглотила его разум. «Это конец?..» Он не мог проиграть, но не знал, что делать. Тяжеловес ещё раз ударил его о столб; руки Сильвера обмякли, кинжал глухо звякнул о пол, он больше не держался за насильника. Вкус собственной крови был последним, что он ощутил перед полной чернотой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.